

шим городским патрициатом (ведь города переживали упадок) и наложить руку на церковные сокровища в столице и крупных центрах; на первом этапе иконоборчество не встретило серьезного сопротивления внутри страны, а бегство иконопочитателей в сельские области усугубило ослабление городов. Когда первая задача была выполнена, иконоборчество потеряло первоначальную направленность и превратилось в благовидное прикрытие борьбы придворных клик: поэтому иконопочитатель Никифор мог проводить политику, близкую к централизаторским тенденциям Льва III и Константина V. Обострение классовой борьбы напугало господствующий класс и вынудило обе группировки к примирению; идеями иконоборцев, отвергавших один из существеннейших принципов христианского богословия, теперь пожертвовали. Никаких серьезных реформ императоры-иконоборцы не провели, хотя правовые памятники VIII в. и отразили некоторые изменения в общественном строе и юридическом мышлении.

Упадок античного полиса повлек за собой упадок образованности и культуры. Дело не только в ограничении творчества церковной тематикой, но прежде всего в том, что подражательность объявила высшей добродетелью писателя, а самостоятельность изгонялась и из мировоззрения, и из системы образов, и из языка. Как литературный жанр господствовала агиография с ее системой шаблонов, кочевавших из одного жития в другое, с ее проповедью терпения и смирения; историки не пытались разобрататься в сложности и противоречивости описанных событий, а оценивали их с примитивных и предвзятых позиций. Конечно, литература VIII—IX вв. отражала свое время, — но это было время упадка культуры.

Я рассмотрел — весьма детально и придиричиво — книгу Е. Э. Липшиц. При всех моих возражениях — более или менее частных — я должен еще раз повторить, что этот труд — синтетическое исследование большой исторической эпохи, эпохи крайне трудной для изучения. Книгу отличает целостность и последовательная концепция. Многие важные проблемы поставлены в этой книге впервые, другие — впервые нашли убедительное разрешение. В целом же книга Липшиц, систематизируя наши знания о Византии VIII—IX вв., помогает лучше понять эту далекую эпоху.

А. П. Каждан

BERTHOLD RUBIN. DAS ZEITALTER JUSTINIANS. PERSÖNLICHKEIT, REICHSIDEE, OSTPOLITIK.

Berlin, 1960, XVI + 539 стр., 16 таблиц, 11 карт

Над темой о Юстиниане автор работает больше 20 лет¹. В настоящее время Рубин является профессором византиноведения в Кельне; его специальность — история Византии и Восточной Европы². За рецензируемым томом последуют еще три³: т. II. Разгром вандалов и готов. Политика на Балканском полуострове. Общая оценка военного искусства; т. III. Административное устройство. Экономика. Общественный строй. История литературы. Светские науки. Право. История культуры и быта; т. IV. История церкви. Богословие. История искусства и мировое значение века Юстиниана.

Задачей автора является создание «Истории Восточноримского мира», и, говоря его собственными словами, в этой гоночной яхте на море исследований книга «Юстиниан» должна служить штурвалом, швертами и килем⁴. Таким образом, рецензируемая книга охватывает целую эпоху, а именно VI век, являющийся важнейшим периодом между древностью и средневековьем.

Содержание I тома таково: 1. Введение; наследие прошлого; влияние других факторов, лиц и идей. 2. Юстиниан и Феодора. 3. Идея империи и критика императора. 4. Внешняя политика и война на Востоке.

Предисловие освещает прежде всего цели и методы исследования. Рубин ставит вопрос о назначении истории как науки. Он говорит: «Каждый век пишет историю прошлого по-новому. В эпохи больших катастроф взгляды на ход истории меняются особенно быстро. Сегодня человечество стоит перед дилеммой: гибель или триумфальное внедрение в космос. Может ли идти речь о будущем или нас ждут, как и в прошлом, бессмысленные гримасы? Работа, которая начинается настоящим томом, не будет заниматься проблемами будущего. Она посвящена изучению прошлого. Атомное уничтожение заботит автора столь же мало, как солдата вопрос „что будет после?“. Еще меньше его смущает оптимистическое мировоззрение наших дней, так как каждая

¹ См. введение, особенно стр. XI.

² Подготовительную работу к «Юстиниану» составляют: «Zwei Kapitel über Herrscherbild und Ostpolitik des Kaisers Justinian» (Diss. Berlin, 1938); «Der Untergang der Vandalen und Goten» (Berlin, 1941); «Fürst der Dämonen» (BZ, 44, 1951); «Theoderich und Justinian» («Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». München, 1953) и главным образом статья «Prokop» в RE (1954).

³ Так объявлено издательством.

⁴ См. введение, стр. XII.

эпоха творит свое божество, которое формирует облик века без того, чтобы обращаться к Марксу».

В этих строках выражено не только мировоззрение автора. «Бессмысленность в прошлом и будущем», нежелание думать об атомном уничтожении и о том, «что будет после», — разве это те принципы, из которых теперь должен исходить историк? Разве это не написано вольно или невольно с позиций тех политических кругов, которые не заинтересованы ни в том, чтобы народные массы ставили вопрос об атомном уничтожении, ни чтобы солдаты их армий спрашивали «что будет после?». Своим тезисом «нежелать видеть, слышать и беспокоиться» ученый такого масштаба, как Рубин, отступает от первой обязанности историка: познавать прошлое в его закономерностях не ради самого прошлого, а для того, чтобы использовать полученные знания в целях создания лучшего, разумного настоящего и будущего.

Историк Рубин считает возможным предоставить решение жгучих вопросов современности и будущего какому-то богу или судьбе. В действительности же он их предоставляет (возможно, несознательно!) реакционной антигуманистической политике боннского государственного аппарата. Идеалистическому мировоззрению автора и его философии истории соответствует и метод исследования, о котором говорится также в предисловии (стр. VIII): «Тайна прошлого раскрывается не с помощью априорного метода, но в результате исследования актуальной в высоком смысле слова проблематики — бытия и истории. Применение несоответствующих данной проблеме и недостаточно точных методов — смертный грех против истины. Эпохи господства трансцендентного мировоззрения не могут быть оценены с помощью схематического подхода материализма. Политика, религия и экономика — это области, взаимоотношение которых не определяется какими-то априорными законами, не изменяется в ходе истории».

Нам кажется, что автор отрицает закономерности течения истории примерно в духе неокантианца Г. Риккерта⁵: только наука о природе имеет дело с обобщениями и выведенными в соответствии с ними закономерностями; история же, напротив, не имеет права на обобщения, поскольку обобщение есть не что иное, как исключение индивидуальности; оно ведет к логической противоположности тому, к чему стремится история⁶.

Из этих взглядов, которые Рубин явно разделяет и которым, помимо всего прочего, соответствует преувеличение им роли личности в истории (к этому мы вернемся позже), вытекает его «метод отсутствия метода», если его будет позволено так называть. «Априорный метод», «схематический подход», «несоответствующие и недостаточно точные методы»? Методы всегда априорны, всегда в известной степени схематичны, поскольку они являются обобщением ряда конкретных исторических наблюдений, и вопрос о «несоответствующих и недостаточно точных методах» нам кажется абсолютно ненужным и бессмысленным.

Необходимо отметить, что в намерения рецензента отнюдь не входит дискуссия с мировоззрением автора; это потребовало бы особого места. Наша задача — подробно рассмотреть книгу «Юстиниан», которая основана на исчерпывающих материалах источников и где библиография, специальные excursus и примечания составляют третью часть. Тем не менее необходимо в самом начале остановиться на некоторых положениях, выдвинутых Рубиным во введении, а именно на полемике автора с марксизмом. Бесспорно, цитированные выше тезисы Рубина направлены против исторического материализма. Само собой понятно, что взаимосвязь политики, религии и экономики бывает различной в различных исторических условиях.

Мы могли бы возразить автору, что именно метод исторического материализма требует всестороннего рассмотрения этой взаимосвязи (в ее исторической изменчивости) и дает возможность судить об «эпохах трансцендентного мировоззрения» без «нарушения соответствия данной проблеме и точности» и без «смертного греха против истины» (в данном случае это означает: в конечном счете познать социально-экономические корни трансцендентного мировоззрения). Напротив, невозможно и было бы неверным игнорировать эту взаимосвязь, создавая историю одних только идей целой эпохи, когда другие области общественной жизни (экономика, политика, религия и т. д.) остаются вне поля зрения автора.

Но предоставим слово самому автору (стр. VII—VIII): «Итак, в томе I, который посвящен внешней политике и войнам, автор порывает с позитивизмом XIX столетия и обращается к истории политических идей. . . Центр тяжести этого тома — происхождение и своеобразие политического мировоззрения эпохи. Манера рассматривать всякое исследование истории идей свысока, как признак „буржуазно“-идеалистической ограниченности, нарушает основной закон исторического исследования. Методы политической экономики, истории хозяйства, социологии слишком дороги в научном отно-

⁵ Ср. Н. Риккерт. *Geschichtsphilosophie*, in: «Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts». «Festschrift für Kuno Fischer», 1905, S. 51—135.

⁶ *Ibid.*, S. 66.

шени, чтобы превращать их в красные очки, предназначенные одинаково окрашивать все божьи творения. Поэтому критика экономических наук будет оставлена для глав этого труда, посвященных роли экономики в ранней Византии. Экономическое мышление ограничивалось тогда областью, к которой оно имеет непосредственное отношение, а именно к немаловажному вопросу о желудке. Его грехопадению и превращению в систему мировоззрения еще предстояло совершиться спустя почти полтора тысячелетия. . . Все другие области общественной жизни этого столетия будут рассмотрены в соответствии с ним самим присущими законами. Если же тем или иным критериям или областям общественной жизни следует приписать более широкое значение, то установление такого предпочтения должно основываться ни на особом опыте развития раннекапиталистической Англии, ни на положениях двадцатого столетия, ни на каких-либо философских аксиомах, но исключительно на критериях VI в..

Прежде всего, никто не станет пренебрежительно трактовать исследования в области истории идей как «ограниченность». История идей, т. е. дух времени как выражение существенно изменяющихся взаимоотношений между экономикой, политикой, религией, между всеми областями общественной жизни (одним словом, между базисом и надстройкой), может дать всеобъемлющую картину развития целой эпохи. Все дело в том (мы уже имели возможность на это указать), как будут построены исследования, и что будет рассматриваться в качестве движущей силы исторического процесса.

То, что следует за этим, выглядит несерьезно и для такого ученого, как Рубин, недопустимо. Поскольку автор своими замечаниями о «красных.очках политической экономии» и «опыте раннекапиталистической Англии» открыто намекает на учение классиков марксизма (к сожалению, в совершенно искаженной форме), мы хотели бы для уточнения сослаться на одно письмо Энгельса⁷. «Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. . . Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь». Короче говоря, последней инстанцией (но только последней!) и сегодня остается «вопрос желудка» (говоря словами Рубина) и о «грехопадении мировоззрения, основанного на экономическом мышлении», разумеется, не приходится говорить.

Не будем сейчас указывать на то, что сам автор не выполняет своего требования рассматривать VI век «исключительно на основе ему свойственных критериев» (и при этом именно в тех случаях, когда речь идет о его полемике против марксизма, против политики Советского Союза и т. п.). К этому мы вернемся в соответствующем месте. Здесь мы ограничимся одним примером из введения. Касаясь «оценки политической идеологии» — главной части I тома, Рубин ссылается на доклад итальянского посла в Бонне Пьетро Кварони⁸. Кварони «в поисках параллели к ныне наблюдаемому в Москве преобладанию политической идеологии над реалистической политикой» (sic!) ссылается как раз не на Юстиниана, а на Людовика IX французского и Филиппа II испанского, которые действительно были одаренными политиками, но ни в коем случае не реалистическими политиками в духе Фридриха II» (стр. VIII). Рубин со своей стороны расценивает высказывания Кварони как «справедливые соображения дипломата по поводу понятий идеология, реалистическая политика, готовность к компромиссам» (стр. IX) и продолжает: «Понятие Москва является этапом в эволюции трех воплощений стремления к мировому господству, начиная от первого и кончая третьим Римом. Эпоха Юстиниана как раз и принадлежит к важнейшему моменту мистического пресуществования Рима, самому поразительному примеру влияния политической идеологии» (стр. IX).

Если автор, который в первых строках введения заявил о себе как о человеке, далеком от всех проблем современности и будущего, здесь приводит «сравнения» из политики сегодняшнего дня (в высшей степени ненаучно и необъективно), то становится необходимым также остановиться на событиях наших дней и вкратце разъяснить ему: Москва ведет реалистическую политику, а именно — единственно возможную перед лицом угрозы «атомного уничтожения» политику мирного сосуществования, мирного строительства — политику сохранения всеобщего мира, и эта реалистическая политика не расходится с какой-либо «политической идеологией», а является выражением марксистско-ленинского мировоззрения — идеологии социалистического лагеря.

⁷ Ф. Энгельс — Штаркенбургу (Лондон, 25 января 1894 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 283 и сл.

⁸ P. Quaroni. Ost und West und die Gipfel-Konferenz. Berlin, 1958; В. Рубин. Op. cit., S. IX.

Таким образом, Рубин принципиально отказывается рассматривать отдельные области общественной жизни VI в. в их всесторонней взаимосвязи. Этой идеалистической и метафизической концепции соответствует и поставленная в работе проблема. «Красной нитью I тома не может быть что-либо иное, кроме усиления связи христианской религиозности и римских традиций в эпоху Юстиниана за счет реалистической политики» (стр. VIII). В том же духе пишет Рубин о Москве как «символе стремления к мировому господству на протяжении веков» и о «мистическом пресуществлении Рима». Следствием этого является предположение, что на вопрос, «почему все это происходит» (стр. X), можно найти ответ исключительно в программе Юстиниана и в критике ее современниками.

Здесь, конечно, было бы излишним противопоставлять идеалистическим воззрениям Рубина марксистское определение роли идей, идеологии во взаимосвязи базиса и надстройки (это будет сделано в дальнейшем на отдельных примерах).

Нам кажется характерным для методологии и методики автора то, что свою работу, в которой он намеревается исследовать все области общественного развития целой эпохи, он начинает именно с истории идей, с политической идеологии эпохи.

Но довольно общих рассуждений. «Введение» — это выражение идеалистической и метафизической философии, «отрицающей методичку» методики автора. Поэтому его тезисы создают ненаучную, необъективную картину, поэтому он часто сам себе противоречит и в своей полемике с историческим материализмом не видит иного выхода, кроме ссылки на судьбу и сверхъестественные силы.

Нам кажется, что методологические и методические пороки, проявившиеся во введении, наложили свою печать на изложение всего I тома — с самого начала! Но мы здесь не хотим высказывать «априорные схематические суждения» (пользуясь словами автора). Между тем в настоящей рецензии необходимо установить, могут ли эта методология и эта методика обработки фактического материала обеспечить — и в какой мере — получение правильных выводов, т. е. всесторонней, всеобъемлющей картины исторического целого.

Первый раздел введения (наследие прошлого; влияние других факторов, лиц и идей) Рубин снабдил подзаголовком «Основные пути мировой истории». В этом разделе автор пытается «проследить основные идеи и в самый запутанный период истории».

Для эпохи Юстиниана характерна унаследованная идея мирового господства Римской империи, иными словами — римская идея, затем тесно связанная с нею идея империи как династически-легитимный идеал и своеобразное выражение христианской идеи божьего царства на земле, имевшей несравненно более глубокое влияние.

Автор прежде всего ставит вопрос, является ли эпоха Юстиниана чем-то вроде весьма существенного этапа в истории развития этих основных идей. По его мнению, решающим для этого этапа является не параллельное существование идей, но их переплетение. Мысль автора о том, что «один мужчина и, не надо этого забывать, одна женщина представляли себе современность и прошлое весьма трезво, четко и продуманно», что «Юстиниан и Феодора, преклонившиеся перед древностью, стремились вновь восстановить мировую империю и старались путем крайнего напряжения сил предотвратить средневековую раздробленность», как бы она ни была блестяще сформулирована, нам кажется, содержит преувеличения, а оценка роли двух лиц в событиях целой эпохи является весьма спорной.

Еще более ошибочно распространение на Юстиниана и его современников (под которыми подразумеваются лишь придворная знать и высшие военные командиры) «часто наблюдаемо: в эпоху упадка активности совокупности индивидуумов». А что можно сказать о таких замечаниях (в научном труде и под заглавием «Всемирно-исторические проблемы»), как, например, о Феодоре: «По-видимому, в ее лице древняя греко-восточная культурная прослойка империи достигла позднего расцвета и необыкновенной зрелости; она благотворительно смягчала сердце и дух императора, укротила его, свойственную европейцу, стремительность и достигла в пределах возможного синтеза западных и восточных планов восстановления империи»? Или чего стоит тезис Рубина о том, что «фривольная двойная игра с вероисповеданием Юстиниана и его супруги создала... духовную обстановку, которая сделала возможным распространение в восточных провинциях не знающего компромиссов монотеизма Мухаммеда». Список примеров такого изолированного рассмотрения истории идей можно было бы продолжить.

Наконец, автор спрашивает, как могло случиться, что, хотя деятельность Юстиниана и его династии осталась незавершенной, «в эту эпоху удалось заложить основу тысячелетнего государства, тысячелетнего, если учитывать династии и хронологические таблицы, но гораздо более, чем тысячелетнего, почти бессмертного, если речь идет об исторической действительности!»

На этот вопрос дается ответ: Византия заключает в себе не только судьбу государства, но историю идей, и созданная Юстинианом идея империи обеспечила ему бессмертие и сделала его образцом германо-римского императора на Западе.

Рассуждения Рубина достигают апогея, когда он формулирует тезис, что «воля и образ, убеждения и методы деятельности Юстиниана наложили свою печать на все,

что было и будет в истории Востока», что «духовные цепи, которые Юстиниан наложил на свое время и на последующие эпохи, сохранялись на протяжении веков» и «еще ни один Прометей не смог их разорвать на Востоке». В качестве примера автор вновь ссылается на Россию: «Политическая действительность России на протяжении веков характеризуется в области религии мистической связью с консервативной церковью (которая, однако, при всем своем консерватизме полна жизни и предоставляет тысячи возможностей для пылкого экстаза), а в области политики — абсолютным подчинением личности воле государства». Этой «восточной связи» автор противопоставляет «внутреннее освобождение индивидуума на Западе», «западное самосознание личности перед лицом государства». Этот пример не нуждается в комментариях; отсылка читателя к нашим замечаниям по поводу введения ⁹.

Таково нагромождение «всемирно-исторических проблем» у Рубина. От этой главы можно было ожидать другого. Речь идет прежде всего о том, была ли история Византийской империи нагромождением случайностей (таланты или бездарные исторические личности, вторжение соседних народов и т. п), складывалась ли она при взаимодействии более или менее абстрактных традиций и влияний (римская идея государства, идея Рима, греческий дух, христианство и т. д.) или это не более (так же, как мировая история вообще), чем результат определенных социальных процессов, которые обуславливаются в конечном счете экономическим развитием общества в определенных конкретных условиях ¹⁰.

Задаваясь вопросами всемирно-исторического характера, следовало бы:

1) исследовать, к какой конкретной исторической ступени развития общества относятся определенные идеи в соответствии с их классовым характером, как велико их влияние на прогрессивное развитие и какие при этом изменения они сами испытывают, наконец, когда они вытесняются новыми идеями в связи с появлением новых, прогрессивных исторических условий; 2) установить, в какой мере историческая личность как представитель своего класса, сначала связанная с ним экономическими интересами, может в рамках соответствующей исторической обстановки придать этим идеям субъективную окраску или обеспечить им особенно эффективное влияние на современность и будущее.

У Рубина, однако, нет даже и намека на исторические основы его «всемирно-исторических проблем», нет указаний на общественное происхождение и классовую природу как этих идей, так и лиц, являющихся их выразителями.

Рубин безмерно преувеличивает роль отдельных личностей (императорской четы), на которых он возлагает ответственность за все события. С этим связано изолированное рассмотрение и чрезмерное подчёркивание роли идеи. То и другое является следствием основной концепции автора, развитой во введении.

С тех же позиций написаны и оба следующих раздела введения: «Подготовка к эпохе Юстиниана в период до Диоклетиана и Константина» и «События и люди от Констанция до Анастасия». Рубин пытается проследить корни политических идей и мировоззрения Юстиниана и его эпохи. Содержание этих двух разделов сводится вкратце к следующему: формирование идеи божественности церкви в государствах древнего Востока, ее дальнейшее развитие в Иране, Греции, эллинистических государствах и Риме, влияние на нее со стороны восточных религий и христианства (отношения государства и церкви) — вплоть до цезарепапизма Юстиниана; наряду с этим рассматривается идея Рима от ее возникновения до всестороннего воплощения в политике Юстиниана.

Но при этом получается однобокая картина. Ни разу не указывается, что в рассматриваемый период имели место возникновение и рост, наивысший подъем и явный упадок социально-экономической формации (это было рабовладельческое общество в его различных исторических формах и проявлениях). Так, харизма императора божьей милостью, идеи Рима и мирового господства в их развитии в течение тысячелетия появляются как самодовлеющий феномен, не связанный со своей реальной общественной, т. е. классовой, основой. При этом связь этих идей с личностью одного человека получила бы оправдание, только если рассматривать столетие, названное его именем, как переходный этап от древности к средневековью, если расценивать историю Византии VI столетия как результат распада разлагающегося рабовладельческого общества и зарождения феодальных порядков (с этой точки зрения получили бы правильное освещение те идеи, которые осуществлялись Юстинианом, и те, которые он отвергал).

⁹ В отношении таких антинаучных аналогий и противопоставлений Востока и Запада работа Рубина стоит в ряду господствующих направлений современного западногерманского византиноведения. Различные направления этой науки были подробно охарактеризованы в работе: А. П. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н, Э. В. У д а л ь ц о в а. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 381—447.

¹⁰ По этому вопросу ср. А. К а ж д а н. Rezension. «Berichte zum XI Internationalen Byzantinisten-Kongress. München, 1958. DLZ, 1959, № 12.

Поскольку автор, таким образом, отвергает какую бы то ни было связь между идеями и политико-экономическими отношениями (он эту связь называет «красными точками политической экономики»), многие части его работы приобретают мистическую и ненаучную неопределенность. В качестве примера достаточно указать, что по поводу возникновения христианства (стр. 12, 13) сказано лишь следующее: «В мире, полном борьбы и ненависти (в Иудейском государстве), возникла религия любви»; «политические пороки иудейского мессианизма поблекли перед моральным завоеванием мира сыном плотника, который создал свое царство в сердцах людей». В изображении начального этапа развития монашества (стр. 36) нет даже намека на социальную природу этого общественного явления. То же относится и к описанию народного восстания в Палестине после халкедонского восстания (стр. 36).

Автор впадает в мистицизм в духе Ф. Тегера¹¹, когда он пишет (стр. 11) по поводу Рима и идеи Рима, о «таинственных жизненных силах», которые связывают «эпоху сельского старости с эпохой владыки мира», и когда он определяет эти жизненные силы как «имманентное течение судьбы к будущему, исполненному боли, которого отчетливо никогда не желают».

Нам кажется примечательной интонация, с которой Рубин рисует Палестину в ряду государств, окружающих Рим (стр. 12): «Наконец, Иудейское государство „величина для себя“, враждебное к окружающему миру, центр политической ненависти, строй, полный духовного смятения и тревожных возможностей, политический вулкан, основательно укрощенный Веспасианом и Титом». И не более понятно (к тому же противоречит собственным принципам автора¹²), когда автор (так сказать, в роли «объективного наблюдателя») сопоставляет политику Юстиниана и Гитлера как «примеры политической антиномии», т. е. как примеры «самоубийства системы в результате стопроцентного осуществления ее идеологии»: «Национал-социалистское государство, действуя в соответствии с рутинной, преследовало (!) еврейку Мейтнер и уступило своему могущественному врагу секрет атомной бомбы и тем самым тот ключ к мировому господству, овладеть которым оно само стремилось. Столь же грандиозными и столь же противоречащими первоначальному замыслу оказались результаты, явившиеся следствием аналогичного принципа политической антиномии, которая определила при Юстиниане парадокс перемены фронта» (стр. 25—26).

Все эти и подобные неверные, антинаучные и в своей «объективности» граничащие с цинизмом аналогии — следствие тезиса об «истории как истории одних идей», вытекающего из методологически-методических воззрений автора.

Роль народных масс и их движение Рубин трактует (там, где он вообще затрагивает этот вопрос) антинаучно и явно свысока (например на стр. 44, 45). «На ипподроме господствовал массовый психоз рядовых крикунов, смягченный случайным появлением людей старой республиканской закваски». Так характеризуются партии цирка. Их действительность, по Рубину, исчерпывается «криками масс», «стычками» и «кровожадными столкновениями». При Анастасии «партии цирка превратились в организацию для народов». Этим император «совершил благодеяние, обуздав и ослабив их».

На таких же позициях субъективного идеализма стоит автор, когда он возлагает ответственность за «неправильное развитие переселения народов» на «политическую пассивность римлян», когда виновницей непрерывных разорений в эту эпоху он считает «бесплодность гуннов», ничего не желая знать о роли «германцев и славян в эти тяжелые годы» (стр. 28, 29), а также когда он в конце концов изображает Виталиана «породнившимся с гуннами и славянами», «двуликим предшественником славяно-болгарской эпохи на Балканах», который не выдерживает никакого сравнения с готом Теодорихом, «ведущим свое происхождение от древней правящей знати» (стр. 49).

Наконец, очень проблематичны части главы, в которых автор указывает на этнический элемент как на причину исторических событий. Вот один из многочисленных примеров: Рубин до некоторой степени жалеет об уходе готов с Балкан при императоре Зиноне; он уверяет, «что ценное и незаменимое в военном отношении фрако-иллирийское население Балканского полуострова слилось бы с готами в один народ, говорящий на греческом или германском языке, еще скорее, чем это произошло позднее, к выгоде славянства и к ущербу для греческого народа» (стр. 42).

По мнению автора, сверх того, «готы были в большей степени готовы (?) отказаться от своего языка и национальности в пользу культурного „койна“ — византийского императора, чем славяне, которые уступили только в вопросах религии».

Таким образом, автор в конечном счете делает Зинона и уход «этнически более ценных» готов ответственными за то, что «европейский бастион против Востока не был расширен» и, больше того, за то, что «область европейского влияния во всемирно-исторической борьбе против дела Александра была чрезвычайно сужена» (стр. 43). Эти

¹¹ F. T e g e r. Das Altertum. Geschichte und Gestalt der Mittelmeerwelt. Stuttgart, 1953. Эту работу Рубин особенно часто использует в данном разделе.

¹² Относительно его требования «каждую эпоху оценивать его собственными критериями» (см. введение, стр. XIII).

гипотезы о «всемирно-исторических возможностях» как результате определенных этнических сдвигов ничего общего не имеют с научным исследованием причин исторического развития балканских стран. Это неприкрытая расовая мистика!

В последнем разделе введения автор останавливается на созданной Юстинианом династии. Рубин описывает события, последовавшие за смертью Анастасия, провозглашение Юстина императором и, наконец, на политической игре Юстина и его племянников.

Прежде всего, любопытно положение племянников Анастасия — Ипатия, Помпея и Проба, а также роль обоих начальников дворцовой гвардии Целлера и Юстина в захватившей широкие круги интриге вокруг наследования. Изображение прихода к власти Юстина содержит некоторые интерполяции — автор подчеркивает (стр. 56, прим. 33), что это лишь исключение и сознательный эксперимент. Рубин рисует очень живо и выразительно события этих решающих для византийской политики ближайших десятилетий дней и образы участников этих событий. Автор ставит личность Юстина в центр событий. Происхождение Юстина и связанная с этим легенда, его путь к константинопольскому двору, его назначение начальником эскубиторов и, наконец, избрание его императором — все это написано увлекательно, как роман, и свидетельствует о мастерском стиле автора.

После прихода Юстина к власти православно вероисповедание императора становится фактором внутренней и внешней политики Византии. Однако эдикт против монофизитов и других ересей, а также новое отношение Восточного Рима к папству были только подготовкой политики последующего царства. Они были осуществлены всемогущим племянником императора, талантливым дипломатом Юстинианом. При описании взаимоотношений между Восточным Римом, папством и Византией Рубин прослеживает, насколько были связаны между собой религиозная политика и экспансивные устремления Восточного Рима, в какой мере церковный мир Юстиниана с Римом подготовил готскую войну Юстиниана. Следовательно, правительства Юстина и Юстиниана в своей политике в 518—527 гг. проводили одинаковую линию.

Рубин подкрепляет свои выводы многочисленными ссылками на источники и на обширную, тщательно собранную литературу. Это говорит о превосходном знании Рубином предмета, что, впрочем, относится ко всей книге.

Тем более достойно сожаления, что методологические и методические недостатки работы неоднократно порождают односторонние, а то и ошибочные оценки. Рубин защищает Юстина и Юстиниана от критики Прокопия, он приукрашивает того и другого; их приход к власти он рассматривает как «уготованный самой судьбой» и «оказавший влияние на тысячелетия», их действия оцениваются как «демоническая мудрость фанатических политиков». Все это позволяет говорить о тенденции автора реабилитировать обоих императоров.

Деятельность цирковых партий ограничивается, по Рубину, как и в предыдущих разделах, ролью «статистов»; «ипподром — тысячеголовый зверь» — совершает под руководством церкви «революцию в нужный момент»; «крикливая молодежь», «Desperados», «чернь, которая находится во власти низменных инстинктов и относится серьезно только к вопросам религии», и т. д. и т. п. — все это обычные для автора характеристики партий ипподрома. Рубин при этом забывает принять во внимание (или по крайней мере упомянуть) чрезвычайную политическую незрелость византийских народных масс, которая вытекала из их социального и юридического положения. Указания на социальный состав и классовый характер партий ипподрома¹³ позволили бы дополнить и исправить описание «крикунов и авантюристов». Необходимо было по крайней мере указать, что ни сам Юстиниан, ни его окружение не действовали произвольно в соответствии со своим «величием» и «демонизмом» как «фанатичные политики», что их политика была скорее связана с далеко идущими стремлениями обеих группировок господствующего класса и, наконец, что юстинианская политика восстановления империи в своей значительной части выражала интересы господствующего класса, в первую очередь крупных земельных собственников — сенаторов¹⁴.

Итак, раздел, посвященный Юстину, дает одностороннюю, неполную картину. Глава вторая — «Юстиниан и Феодора» — содержит следующие разделы: 1. Происхождение Юстиниана. 2. Образование. 3. Внешний облик. 4. Характер. 5. Феодора.

Так как основная задача исследователя — оценка идеологии и поскольку, по мнению Рубина, «политическая активность и борьба за восстановление единства империи сделали Юстиниана на все века выразителем идеологии господства» (стр. 97), автор сопоставляет облик правителя с тем, как его изображали современники. С этой целью он привлекает Агафия, Малалу, Зонару и прежде всего «Тайную историю»

¹³ См. прежде всего выводы основополагающей работы А. П. Дьяконова «Византийские думы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.». ВС. М.—Л., 1945.

¹⁴ О роли византийского императора и его отношении к господствующему классу см. А. П. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н, З. В. У д а л ь ц о в а. Ук. соч., стр. 437, 443.

Прокопия. Именно у такого критически настроенного, если не прямо враждебного, автора, как Прокопий, следует искать отдельные черты для характеристики Юстиниана. Однако в то же время «Тайная история» Прокопия дает явно искаженные и карикатурные образы императорской четы. Рубин тщательно рассматривает литературные и археологические свидетельства об этническом происхождении императора, отдавая при этом предпочтение иллирийскому и отклоняя теорию славянского происхождения.

По мнению автора, основы образования Юстиниана и его многогранных интересов ко всем жизненным явлениям и духовным проблемам должны были быть заложены уже в юношеские годы. Происхождению Юстина и Юстиниана из той части Балкан, где тогда господствовали латинский язык и культура, Рубин придает наибольшее значение как для формирования императора, так и для «стремления Юстиниана восстановить Римскую империю и присоединить западные земли» (стр. 86). Интересны замечания об авторитете императора в армии. Этот авторитет (поскольку Юстиниан лично военными действиями не руководил), несомненно, явился результатом действий скорее беззастенчивых политиков и интриганов, чем талантливых полководцев. Для характеристики образования императора автору кажутся важными особенности его стиля, проявившиеся прежде всего в законах. Архаистичные тенденции Юстиниана, которые особенно отчетливо обнаруживаются в законах об административной реформе, бесспорно, являются выражением латинских традиций в его мировоззрении, что в свою очередь связано с его происхождением и образованием.

Восприятие римского прошлого и римских традиций в процессе образования оказало на племянника Юстина и будущего императора достаточно сильное влияние, чтобы стать составным элементом (но ни в коем случае не решающим) многих сторон его политики.

Рубин считает, что внешний облик человека находится в несомненной взаимосвязи с его мыслями и делами (стр. 90). Литературные свидетельства о внешнем облике Юстиниана содержатся только у Малалы и Прокопия. Знаменитые Равеннские мозаики и бесчисленные изображения, сохранившиеся на монетах, представляют собой материал, использование которого ограничено определенными пределами, поскольку эти портреты подчиняются законам искусства того времени, в известной мере условным.

В своих исследованиях историк Рубин смотрит «с завистью и отчаянием на такие науки, как биология» (1), которая с рычагом и дрелью вгрызается в тело „невывразимого“, психология» и т. д. (стр. 90). Юстиниан, по мнению автора, происходит от балканских крестьян, следовательно, «императора можно причислить к динарской расе» (стр. 91). Для подтверждения своего заключения Рубин, между прочим, «распознает» и *proserus*, т. е. складки борда над переносом на императорском портрете из Равенны (стр. 92, 93).

Для характеристики императора Рубин основывается главным образом на «Тайной истории» Прокопия и в меньшей степени на замечаниях Агафия и Иоанна Лидя. Автор стремится углубить ту поверхностную характеристику внешнего облика императора, которую дают источники, — своего рода моментальную фотографию, соответствующую определенному возрасту. По мнению автора, «об ускользнувших индивидуальных чертах императора можно судить также по его трезвой государственной политике, а не только на основании психологии, перечисляющей свойства человеческого характера» (стр. 96). Наконец, Рубин, как и в следующей главе, ставит перед собой задачу «почувствовать всю значительность пропасти, существующей между официальным изображением императора и тем, которое создается по разноречивой литературе, основанной на полной внутренних натяжек работе Прокопия» (стр. 97).

В разделе, посвященном Феодоре, Рубин обстоятельно описывает происхождение и карьеру, деятельность и влияние императрицы. При этом Рубин исходит из хорошо засвидетельствованных фактов доверия и тесной совместной работы императорской четы на политическом поприще. Этот раздел автор пишет, опираясь на Прокопия и вместе с тем постоянно расходясь с его «Тайной историей». До сих пор никто не описывал Юстиниана и Феодору так подробно.

Автор всесторонне привлекает источники и литературу; его примечания и excursus посвящены различным проблемам, в том числе свидетельствам археологии о месте рождения Юстиниана, о фракийском культе бога-всадника, о понятии «карнавал» в христианских и светских источниках и о роли мима в Византии юстиниановской поры. Наконец, этот раздел сопровождается сводкой данных о каталоге монет и изображениях на монетах, а также о мозаике, содержащей материал для характеристики внешнего облика императора. Оба героя этой главы описываются автором с явной любовью, притом в блестящем стиле.

Однако раздел в целом похож скорее на собрание остроумных афоризмов (иногда ложных), чем на научное изложение. Не говоря уже о том, что во вступлении к главе, полном мистических намеков, бросается в глаза прежде всего то, что автор хочет «использовать критически и скептически свои знания и догадки о тайне индивидуальности для понимания фактов» (стр. 80), он упускает из виду (в соответст-

вии с принципами, сформулированными им в начале книги «Основные пути мировой истории») необходимость исследовать деятельность императорской четы, а также суждения важнейшего источника — Прокопия — с точки зрения классовых отношений и конкретных исторических условий. Фрако-иллирийская кровь, или славянская, динарская, или иная раса, «склонность к вегетарианской пище» (стр. 94, прим. 135), «складки борца на переносе» — разве это основные компоненты для суждения об исторической личности? Это совершенно ложная постановка вопроса! Обсуждение на многих страницах этнического происхождения и расовой принадлежности напоминает бесплодную псевдонауку времен нацистского режима. В этой связи характерны «зависть и отчаяние», которые автор питает к биологическим наукам. Не приходится больше удивляться тому, что Рубин (стр. 93, прим. 123) для подтверждения своих выводов ссылается на изданную в 1937 г. в Мюнхене книгу Фритца Ланге¹⁵, что автору как будто даже неизвестно, что развитие человеческого общества подчиняется отнюдь не биологическим законам.

Столь же антинаучно сопоставление Феодоры и Жанны д'Арк, а также оценка роли Феодоры, которая наиболее четко сформулирована в следующей фразе: «Ни один солдат не был возмущен необходимостью принять на себя опасность участия в предстоявшей войне за дело Феодоры, наоборот, все боролись за эту честь» (стр. 119). Это один из многих примеров. Несомненно, что Юстиниан покровительствовал венецам, Феодора была благосклонна к прасинам; император поддерживал православных, императрица монофизитов, но взаимное понимание Юстиниана и Феодоры не было «ниспосланным судьбой согласием в сфере чистого духа» (стр. 120), а выражало в конечном счете общность интересов всех групп и вероисповеданий господствующего класса.

Третья глава исключительно богата фактическим материалом, ее проблематика очень широка. До сих пор не было столь глубокого и затрагивающего такое большое число частных проблем исследования, посвященного теме «Идея империи и критика императора». Эту главу надо рассматривать как основную в работе. Одни переводы источников, рассмотрение литературы вопроса и в особенности подробные экскурсы, напоминающие самостоятельные сочинения, занимают почти 100 страниц. Сама проблематика исследования вряд ли могла быть изложена шире и обстоятельнее. Автор это делает со свойственной ему тщательностью, хотя и исходит из позиций чистой «истории идей».

Первый раздел Рубин озаглавил «Идея и действительность монархии». Прежде всего, он указывает, что у монарха той эпохи, кроме его собственных воззрений, существовало основанное на религиозных постулатах представление о роли монарха. Это представление покоилось на бесчисленных римских, эллинистических и даже восточных обычаях, которые монарх — хотел он этого или нет — использовал как защитное традиционное облачение. Понятия и идеалы, которые привели к созданию этого образа монарха, претерпевали различные изменения, особенно под влиянием христианства, однако императорская власть в конце Римской империи и в Византии имеет многие черты сходства с монархической властью Ранней империи. Эти монархические идеалы всегда подвергались критике, которая сопоставляла желаемое с реальным, требования с действительностью. По мнению автора, который смотрит на прошлое с точки зрения нынешнего дня, всякой критике римско-византийского идеала монархии следует противопоставлять тысячелетнее существование империи (стр. 123).

Теперь о постановке вопроса в этой главе. Она соответствует основной концепции автора — история как история политических идей. В дальнейшем Рубин до некоторой степени превосхищает ответ, который его исследование должно дать: одухотворенный образ монарха имеет две стороны: подлинный образ государя, содержащий в себе вечные и неизменные свойства идеального монарха безотносительно к конкретной действительности; такой образ живет лишь «в стихийных представлениях современников» (стр. 124), и он никогда не был систематически кодифицирован. Ему противостоит другой образ — политически действенный, связанный с действительной жизнью, подчинивший себе язык государственных законов, надписей и других официальных и в какой-то мере частных документов.

Идеальный образ императора Юстиниана доступен изучению в последовательной, неутомимой, не знающей сомнений государственной пропаганде в пользу императора и его нового Рима. За отдельными свидетельствами скрывается совокупность всех политических идеалов той эпохи. Собственные концепции императора, канцелярские традиции и литературное наследство переплетаются между собой.

Часто бывает нелегко следовать за ходом мыслей автора. Мы сознательно подробно остановились на этом, чтобы вскрыть сущность тех положений, которыми Рубин начинает эту главу. Это сделано, во-первых, для того, чтобы уже здесь пока-

¹⁵ F. L a n g e. Die Sprache des menschlichen Anlitzes. Eine Wissenschaftliche Physiognomik und ihre praktische Verwertung im Leben und in der Kunst. München, 1937.

зять, что все последующее рассматривается с точки зрения «идей и идеалов» вне связи с общественной жизнью, определившей эти идеи, и, во-вторых, потому, что содержание следующих разделов в пределах настоящей рецензии может быть лишь кратко намечено.

Рубин пытается создать образ Юстиниана как монарха и связанную с этим идеальную картину его политического поведения. Во втором разделе он прежде всего рассматривает правовые основы юстиниановской монархии — светские и религиозные. Из религиозных представлений вытекает идея императора божьей милостью. Светская основа — это *lex regia*, по которой император получает свое имперium. Однако в эпоху Юстиниана этот закон представлял собой только миф; император больше не нуждался в нем для санкционирования своей фактической власти. Рубин видит реальную правовую основу прежде всего в аккламациях, с которыми народ обращался к императору при любой возможности. Нам кажется, что автор склонен считать эти проявления одобрения «остатком демократического сотрудничества народа» (стр. 127).

В следующем разделе автор приводит «таблицу добродетелей», озаглавленную «Система и соотношение видов духовного оружия восточноримской монархии». Для такого монарха, как Юстиниан, обязательными добродетелями являются в первую очередь христианские достоинства. Эти христианские тенденции императорского идеала Рубин подкрепляет примерами из кодекса и новелл. Затем идет интересное исследование понятия императорской *aeternitas* и *Roma aeterna*, их происхождения, изменений под влиянием христианства и сенаторской критики этих идей. Слова «припечсы смертны, государство вечно» (Апп., III, 6), которые Тацит вложил в уста Тиберия, обращающегося к народным массам у трупа Германика, автор комментирует следующим образом: «Да прости мне одно воспоминание, навеянное формулой Тиберия. . . Берлин, Александрплац 1945 г.! В нереальном майском солнечном свете над развалинами господствовали слова советской пропаганды: „гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское“ остается» (стр. 133).

Это сравнение, даже если абстрагироваться от коварного подтекста, ни с чем не сравнимо. Во-первых, потому, что обе эти фразы были произнесены в совершенно различных исторических условиях и при совершенно разных общественных порядках; во-вторых, в них отражены цели и задачи различных классов. Далее автор детально разбирает на материале многочисленных свидетельств источников титулы и прозвища императора: *pius, felix* (он рассматривает связь этого термина с понятием судьбы), *inclitus victor ac triumphator et invictus*; затем он останавливается на легенде парижского золотого медальона *Salus et gloria Romanorum* и на сознательном отказе Юстиниана от титула *Pacator orbis*.

В заключение Рубин разъясняет значение античных философских терминов в применении к понятию императорского культа (особенно в панегирической литературе).

Этот раздел Рубин называет «Перечень видов духовного оружия Восточноримской империи в VI веке» (стр. 139), а в следующем разделе («Методы и пути влияния на общественность») рассматривает непосредственное применение этого духовного оружия в государственной пропаганде. Автор предпринимает — как будто для заправки — экскурс, в котором он сравнивает методы пропаганды в Европе последних 40 лет с позднеимскими и византийскими. Этот экскурс — одна из тех интерполяций, которые автор имеет обыкновение вплетать в текст ради «чистой объективности».

Автор (см. прим. 317) в своих рассуждениях о «роли пропаганды, агитации и рекламы в формировании политических настроений на Востоке» (!) среди прочих использует журнал «*Osteuropa*» — главный орган реакционного западногерманского «*Ostforschung*». Рубин исследует роль византийской государственной прессы, церковной проповеди, монет и мозаик, рассматривает надписи и законодательные акты (конституция, государственное регулирование управления провинциями и т. п., частное право). Представление о традициях императорского идеала в провинциях стало бы, по нашему мнению, более четким, если бы автор ближе рассмотрел социальный характер политической критики, исходящей от «еретических движений» (стр. 145).

Автор дополняет раздел еще одним обширным экскурсом: «Публикация в римском праве и ее религиозное обоснование: исследование техники политической пропаганды, содержащейся в императорском законодательстве».

Здесь представляют интерес многочисленные свидетельства (главным образом из новелл) о содержащихся в законах Юстиниана предписаниях о публикациях. В обоих последующих разделах Рубин различает официальную и литературную пропаганду.

Раздел пятый рассматривает сначала официальную пропаганду — государственные законы. Автор исследует прежде всего различные документы и введение к своду законов как памятники политической пропаганды. Кодекс, дигесты, институции и новеллы (например конституция «*Tanta*» и конституция «*Cordi*», основное постановление о гражданском и военном управлении в только что завоеванной Африке) содержат в своих введениях многочисленные примеры использования в про-

пагандистских целях добродетелей императора и его авторитета, идеологии империи и универсалистских требований, то с более миролюбивым, то с более воинственным подтекстом.

И в этом разделе отчетливо видно, что автор считает завоевательные войны Юстиниана следствием его «романтики Рима». По мнению Рубина, «этот неизбежный „автоматизм“ исторически сложившегося романтического способа мышления выражает крикливые дела получившего свободу действий империализма» (стр. 162). В другом месте автор называет «возвышение романтики Рима... коренным делом императора» (стр. 167). Мы уже выше указывали, в каком соотношении эта мнимая личная императорская романтика Рима находилась с господствовавшими классовыми силами в Византии и их экономическими стремлениями. Одностороннему взгляду автора на исторические события соответствует его желание только из факта исчезновения внешнеполитической пропаганды в законах сделать вывод «об ослаблении империалистического давления» (стр. 166). Но так же мало можно объяснить «реальную политику Феодоры на Востоке» тем, что «эта женщина не разделяла мечты своего мужа о мировом господстве», что «она была слишком холодной, слишком трезвой, чтобы быть носительницей романтики Рима в полном смысле слова» (стр. 166). При решении вопросов как восточной, так и западной внешней политики в действительности основную и решающую роль играла императорская чета, представлявшая обе группировки господствующего класса в Византии.

В шестом разделе автор разбирает «литературную пропаганду и голоса оппозиции». При этом литература рассматривается не хронологически, а в порядке ее отдаления от официальной трактовки образа императора. Автор, таким образом, прослеживает литературную пропаганду от «государственных законов и торжественных введений до пасквиля Прокопия и других проявлений современной оппозиции» (стр. 168).

В начале раздела Рубин рассматривает сочинения трех безусловных приверженцев императора: Иоанна Лиды, Агапета и Павла Силентиария, чтобы в дальнейшем рассмотреть тенденции сочинений Прокопия по мере его отхода от официального идеала императора. Основой для этого раздела послужила уже упомянутая выше статья Рубина «Прокопий». На примере «Войн», «Тайной истории» и книги «О постройках» он рассматривает прежде всего Прокопия как «политического писателя». «Прокопий противопоставляет идею императора и идею империи консервативные и вместе с тем позитивные воззрения. Он не критикует старых традиционных политических идеалов, а лишь отказывается видеть в императоре Юстиниане их достойного защитника» (стр. 173). Это замечание автора, как, впрочем, и все дальнейшие исследования, посвященные Прокопию, нуждаются в существенном дополнении и обосновании путем выяснения классовой позиции этого писателя. Прокопий, бесспорно, представитель господствующего класса, хотя и принадлежит к оппозиционной по отношению к императору группировке. Кроме того, друг Велисария, он был личным противником Юстиниана и Феодоры. С этой принципиальной точки зрения нужно оценивать своеобразное соотношение между «Тайной историей» и книгой «О постройках», как и вообще все работы Прокопия.

Книгу «О постройках», которая расценивается как уступка со стороны Прокопия, Рубин затрагивает лишь вкратце, зато подробно он разбирает в третьем подразделе («Лучи на горизонте: история войн») книгу «Войны». Эту основную работу Прокопия автор рассматривает со следующих точек зрения: 1. Реальные факты, которые требуют исправлений. 2. Пропагандистские тенденции в духе идеи императора и идеи Рима, явившиеся результатом воспитания и духа времени, а также имевшие целью предотвратить критику. 3. Пропаганда в пользу Велисария и его сторонников. 4. Критика политики императора и его сторонников.

Раздел дополняется двумя экскурсами: 1. Об «информаторах» Прокопия и 2. Об идеале императора, образе Велисария, о германцах и ромеях у Прокопия. Однако интерпретация книги «Войны» является односторонней, поскольку Прокопий не рассматривает описываемые им события как выражение рабовладельческой реакции.

Четвертый подраздел, озаглавленный «Адские силы: Тайная история», сопровождается обстоятельными экскурсами: критика Велисария в «Тайной истории»; Апокалипсис Прокопия—миф об антихристе, «Тайная история» и политическая теология в VI веке; миф о божественном или дьявольском происхождении императора; демонология и названия демонов; специальная позднеиудейская демонология; действия демонов и естественной силы в «Тайной истории», замечания к характеристике общих мест в 18-й главе «Тайной истории» (1. Общий обзор опустошенного мира и литературная традиция перечисления народов; 2. Другие важнейшие общие места); наконец, о взглядах на *Nomo ludens* и о дальнейшей литературе, посвященной времени составления «Тайной истории», ее источникам, публикации, ее рукописной традиции и вероятному влиянию на современников.

Существенным для понимания выводов Рубина является его замечание о политическом характере «Тайной истории»: «Внутренний отход „Тайной истории“ от идеала императора объясняется не только отказом от всего, что называется официальной

пропагандой. Этот полный ненависти взрыв не ограничивается отрицанием. Он призывает к действию. Мы имеем здесь дело с относительно редким свидетельством антиправительственной пропаганды, которую люди, знающие, чего они хотят, и фанатичные, направляя, конечно, не против духовных основ (мы могли бы прибавить: прежде всего не против социально-экономических основ!) Римской империи, а против методов и целей Юстиниана» (стр. 198). Верно также и заключение: тем, что Юстиниан все-таки «умер спокойно в своей постели», он обязан расколу среди своих противников. Однако не «классовое высокомерие сенаторов и крупных землевладельцев», как думает автор, воспрепятствовало присоединению этой группы к подлинно массовому движению (термин «класс» автор применяет здесь явно в смысле «каста»). Наоборот, этой причиной были в гораздо большей степени экономические интересы как этой, так и другой группы господствующего класса — крупных кушпов и владельцев ремесленных мастерских. Эти экономические интересы заставили обе группы в конечном счете присоединиться к царственному «высочке», а не к народным массам.

Как в действительности обстояло дело с «мастерской психологией» Юстиниана и Феодоры в отношении «повседневных дряг по вопросам вероисповедания» и «подпольной религиозной войны», мы уже выше пытались разъяснить. В этой связи не соответствует действительности замечание: «партии цирка выказали себя продажными» (стр. 198). Здесь не хватает указания на социальный состав факций; социальная граница проходила не между зелеными и голубыми, а между массой демонов обеих партий, с одной стороны, и руководящей верхушкой этих партий (состоящей из представителей господствующего класса) — с другой. Цирковые партии «продажными» в той мере, в какой верхушка обеих факций (как это было во время восстания Ника) позволила правительству купить себя перед лицом вызванного ею же массового движения, грозившего опасными последствиями. Масса же простых демонов, которая вначале служила ей средством против правительства, впоследствии была ею предана.

Наконец, на основании «Тайной истории» не следует делать безоговорочный вывод, что «воля к объединению сил была налицо, хотя действия и не оказались успешными» (стр. 198). Прежде всего, поскольку речь идет об объединении сил, Прокопий мог иметь в виду только группы господствующего класса¹⁶, а до каких границ классовые интересы этих групп могли допустить объединение с народными массами, как раз и показало восстание Ника. Впрочем, что у угнетенных народных масс было стремление, хотя и стихийное, к объединению, показывает одно замечание Малалы о «прасиновенетах», которое явно относится к восстанию Ника¹⁷. А основную причину, которая, наряду с другими, привела к тому, что «действия не оказались успешными», мы отметили выше. Таким образом, «призыв к действию» в «Тайной истории» относится к господствующему классу.

В дальнейшем автора интересуют прежде всего те круги, которые стоят за Прокопием. Это друзья по политическим убеждениям из окружения Велисария, затем старая чиновная аристократия времен Анастасия, далее — сенаторская аристократия и, наконец, духовные круги. Это говорит о существовании взаимной связи между политической и военной оппозицией, с одной стороны, и церковной — с другой. Здесь, однако, автор опять делает неточный вывод: «Это означало не больше и не меньше, чем высшую опасность для системы и стоявших во главе ее личностей» (стр. 201). Опасность для личностей — бесспорно, однако не для системы, т. е. не для рабовладельческого государства, которое уже было пронизано элементами феодальных порядков. Это не могло входить в намерения ни Прокопия, ни людей, стоявших за ним, что, в частности, отчетливо проявилось в событиях 532 г.

Далее автор отдельно рассматривает «демонологию» как средство политической пропаганды. К этому примыкает анализ 18-й главы «Тайной истории»: описание вселенной и человечества, свергнутых Юстинианом и Феодорой в бездну бедствий, является вершиной обвинений Прокопия. Затем Рубин вновь возвращается к имперской политике, как она обрисована в «Тайной истории». При этом автора интересует лишь «тенденция оппозиционной пропаганды», в то время как о фактических деталях истории войны и внутренней политики он говорит лишь мимоходом. Здесь еще раз явно сказывается недостаток, вытекающий из априорного принятия автором метода изолированного изложения. Автор неправильно приписывает (хотя и следует за Прокопием) термину «революция» одинаковое значение как применительно к «необычному и незаконному» поведению императорской четы по отношению к аристократическим кругам, так и по отношению к цирковым партиям. Только поэтому автор мог прийти к ложному выводу о том, что между строк «Тайной истории» содержится

¹⁶ О классовом характере сочинений Прокопия (на основании его замечаний о народных массах) см. S. W i n k l e r. Bemerkungen zu Prokop. «Studii Clasicе», III. Ed. Acad. Rom. Pop. Romine, 1961, p. 429.

¹⁷ О восстании иудеев и самаритян 556 г. в Палестине см. T. M o m m s e n. Bruchstücke des Johannes Malalas. «Hermes», VI, 1872, S. 378.

обвинение против Юстиниана, которого Прокопий будто бы считает «фактическим виновником восстания Ника». (Известно, что, по мнению Прокопия, Юстиниан был бессовестным авантюристом и преступным революционером, который захватил законную власть незаконными средствами). Здесь опять не принимается во внимание социальный состав партий. Противоречия, которые возникали в результате покровительства императора то одной, то другой из господствующих партий, были второстепенными по сравнению с противоречиями, возникавшими между массой зеленых и голубых демонов, с одной стороны, и верхушкой обеих партий — с другой. Мы уже выше указывали, что ни Прокопий, ни даже Юстиниан не могли вести такую опасную игру, которая в конечном счете могла привести к выстушению масс.

В заключение автор рассматривает принципы мировоззрения Прокопия, особенно его идею судьбы. Прокопий колеблется между богом и судьбой и, по мнению автора, там, где идея судьбы вместе с бытовой мудростью и жизненным опытом образует философскую систему, речь может идти о мировоззрении в духе агностицизма.

Несомненно, что исследование «Тайной истории» в соответствии с поставленной автором проблемой относится к числу самых важных и самых интересных частей рассматриваемой работы. Тем не менее, как уже много раз отмечалось, выводы этого раздела остаются односторонними и неполными из-за неточностей и ошибочной оценки классовой принадлежности Прокопия и классового характера его сочинений.

Весьма примечательно, наконец, чем Рубин заканчивает раздел о «Тайной истории». Размышления о «возвышенной бесцельности бытия», связанные с идеей *Homo ludens* приводят автора от Прокопия через Плотина, Платона и Гераклита к *Glasperlenspiel* Гессе и к Хайдеггеру. Автор рассуждает следующим образом: «...если мы проведем линию от Гераклита к Гессе и Хайдеггеру, мы только тогда поймем, насколько легко мир переходит к игре и поэзии. Возвышенная бесцельность бытия празднует свой триумф в *Glasperlenspiel*. Из этой бессмысленности расцветает новый смысл, который вырастает не на титаническом возмущении Гераклита, но на христианском примирении. Здесь торжествует не искусство ради искусства, а искусство, которое выводит свое оправдание из стремления, основанного на христианской морали. Однако преимущества двойной позиции были доступны уже такому человеку, как Прокопий. Как христианин он наслаждался грядущей прочностью, которую сулит эта вера, а тревоги теперешней жизни он побеждал с помощью идеи Тихи о возвышенной бессмысленной игре» (стр. 226).

Эти заключительные размышления автора — лишь один из примеров того, как тонкая исследовательская работа теряет свое научное значение и даже превращается в фальсификацию из-за идеалистического мировоззрения и мистически-метафизического метода исследования.

Следующий раздел главы — «Круг оппозиции замыкается: критика современников и отголоски у Агафия, Менадра, Евагрия, Феофана, Зонары и др.» Каковы критерии оценки современной критики политического характера (в данном случае имеется в виду критика идеи императора и идеи империи)? Во-первых: к каким общественным классам принадлежит по своему происхождению отдельные критики; во-вторых, интересам какого класса или общественной группы служит эта критика, наконец, надо ли оценивать эту критику современников как прогрессивную или как консервативную в условиях данных классовых отношений и общей исторической обстановки? Однако конечная оценка автором вышеуказанных литературных источников оставляет эти вопросы без ответа.

Благодаря своему методу исследования лишь «истории идей» и в связи с отказом от «красных очков политической экономики» автор не может дать новой оценки. При оценке исторических свидетельств указанных источников для него существовала прежде всего альтернатива: «возвышенная бесцельность, случай, предначертанная судьба», осмысливание истории как «придание смысла бессмысленности» или же «болезненная сладость вечно заканчивающейся трагически человеческой комедии, состоящая в моральной двойственности каждого осуществленного действия» (стр. 234).

Последний раздел называется «Прошлое и будущее оппозиции: критика императоров Восточноримской империи». Здесь автор рассматривает взгляды предшественников и последователей Прокопия, чтобы последовательно изложить критический вклад как их, так и их современников. Рубин в общих чертах прослеживает литературные традиции критики императоров римскими сенаторами с начала III столетия через Диона Кассия до Аммиана Марцеллина, упоминая затем афинянина Дексиппа и его последователей Евнапия и Зосиму.

Фразеология и многочисленные общие места в критике императора встречаются, например, у Зосимы так же, как позднее у Прокопия. В дальнейшем автор рассматривает с одинаковой точки зрения высказывания Малха, Симмаха Младшего и Кассиодора. Для выяснения влияния критики императора Прокопия в средние века Рубин приводит ряд светских и духовных авторов, начиная с Агафия и Менадра, через Георгия Монаха и других вплоть до хроник XII и XIII столетий (Зонара, Георгий

Акрополит и др.). Изложение сопровождается экскурсом автора по поводу каждого литературного свидетельства.

Глава рассматривает политическую идею и ее критику на протяжении почти двух тысячелетий. Однако изменения социально-экономических отношений в этот период, т. е. изменения в самом общественном базисе, порождавшем эту идею и ее критику, остались вне поля зрения автора.

В IV главе автор из области идей и идеалов отправляется в царство фактов: «Политика и ведение войн на Востоке». Здесь дается картина отношений Византии с широким кругом восточных народов и государств. По своей основательности и широте охвата эта глава представляет очень большую ценность. Источники и литература вопроса рассматриваются обстоятельно, многочисленные примечания содержат целую библиографию обсуждаемых проблем или излагают важнейшие специальные работы. В приложении приведен перевод сообщения Менаандра о мирных переговорах 561—562 гг., составленного на основе подлинного донесения магистра официал Петра. Автор, однако, рассматривает при этом «влияние римских традиций не только на теоретический идеал монарха, но и на реальную политику того времени» (стр. 245).

И в этой главе Рубин анализирует материал под углом зрения «римской романтики Юстиниана». Идеалистические взгляды автора, сводящего всю историю к истории идей, особенно откровенно выражены, пожалуй, в следующем тезисе: «Провидение воспользовалось личностью Юстиниана, чтобы дать силам инерции римского прошлого прорваться через все препоны реальной политики» (стр. 245). Здесь, впрочем, автор полностью отказывается от провозглашенного им во введении принципа, в соответствии с которым допустимо пользоваться одними только «критериями VI века», и говорит (стр. 246) совершенно откровенно о «лучшем понимании потомков» и о «стоящей перед исследователем ответственной задаче рассматривать состояние тогдашней политики не только с позиций современников Юстиниана, но и на основании воззрений нового времени».

Впрочем, к одним только воззрениям «нового времени» нельзя обращаться за решением проблем (в духе традиционной романтики или романтической традиции). По этому поводу, а также в связи с дальнейшими положениями автора мы могли бы повторить то, что нами уже было сказано о введении и относительно «Основных путей мировой истории».

Автор стремится «до поры, до времени воздержаться от абсолютных оценок, от постоянно возникающей проблемы априорного суждения (для Рубана это юстиниановская романтика Рима. — С. В.) по поводу взглядов и действий людей того времени и беспристрастно погрузиться в море фактов этого несравнимо пестрого столетия, когда действовали Велисарий, Ситта и Нарсес» (стр. 246).

Рубин начинает с обзора политики Рима на Востоке от Помпея до императора Анастасия и после этого переходит к Персидской войне при Юстине. «Арабские союзные племена на границе между великими державами» — это поддерживавшие персов лахмиды и сторонники ромеев хассаниды, далее киндты и талабаны. Автор описывает их происхождение, место и роль в римско-персидских столкновениях (примерно до 529 г.) и переходит затем к событиям 530 и 531 гг.

В связи со сменой правителя в Персии возникла новая обстановка, которая привела к заключению римско-персидского «вечного мира» 532 г. Автор рисует очень выразительно личность нового персидского великого царя, его отношение к маздакистскому движению и показывает влияние его социально-экономической реформы на отношения между Персией и Византией.

Следующий раздел автор называет «Бушующая зона Красного моря». В нем описывается на основе использованной обширной специальной литературы судьба народов, живших у Красного моря, с того времени, когда сведения о них появились в исторических источниках, и вплоть до последних десятилетий VI в. Торгово-политические интересы обеих великих держав, Византии и Персии, их постоянно напряженные отношения оказывали в этом районе противоречивое влияние. Наконец (около 597 г.), с образованием в Южной Аравии независимого царства персидского полководца Вахриза борьба великих держав за господство на Аравийском полуострове закончилась к выгоде Ирана.

В то время как 532—540 годы, в отличие от событий на западе, были для восточных областей империи сравнительно спокойными, в 540 г. Персидская война вновь разразилась.

Рубин обстоятельно описывает поход персов к Антиохии через Суру, Гиераполь и Берою, падение этого восточного центра империи и, наконец, возвращение Хосрова через Дару. Военные действия, которые протекали с переменным успехом, закончились бесплодной осадой Эдессы персами (544 г.). В последние годы царствования Юстиниана восток империи не подвергался персидским набегам. Война была перенесена в предгорья Кавказа, яблоком раздора была Лазика и доступ к Черному морю. Борьба за крепость Петру, защищавшую подступы к Лазике, закончилась в 551 г. победой римлян. Однако Юстиниан в связи с военным положением на западе отка-

зался от Петры, чтобы устранить возможность новых попыток вторжения со стороны персов.

Борьба за Лазик, несмотря на дипломатические переговоры между Персией и Византией и продление перемирия, продолжалась с переменным успехом. Результаты вплоть до 555 г. описаны Агафием. Византия, как только ее тыл на западе был обеспечен, смогла решить вопрос о Лазике путем переброски новых войск. В борьбе за северные и центральные города Лазики Византия одержала победу; Персия признала поражение своей политики, направленной на установление своего влияния в области Черного моря. После возобновления в 557 г. пятилетнего перемирия последовало заключение описанного Менадром договора о «50-летнем мире» в 561 г., которым были улажены все спорные вопросы.

Автор дает предварительный обзор восточной политики Византии вплоть до Ираклия и заканчивает первый том (как бы для того, чтобы замкнуть «тиски романтики Рима», в которые он хочет включить и эту главу) следующими словами: «В эпоху Ираклия христианский мир пережил возбуждение крестового похода. Идея восстановления единства средиземноморского мира казалась на Востоке обеспеченной и тем самым создавались предпосылки для его осуществления и на Западе. Юстиниан — не человек Юстиниан, а воплощенная в нем идея Рима — заслонил своих преемников, ибо программа и действительность его жизненной деятельности оказались в центре внимания двух тысячелетий и потомство, несмотря на свой печальный опыт, не должно от него отрезаться» (стр. 373).

«Восточный» сюжет IV главы позволил, таким образом, автору прежде всего открыто отказаться от дальнейших реминисценций, о которых шла речь на первых страницах этой главы (стр. 246).

Объявленный второй том должен будет показать, насколько Рубин в действительности подчиняет все события VI века той «абсолютной оценке» с позиции истории идей, о которой говорилось в разделе «Основные пути мировой истории».

Научная ценность исследования и выводов Рубина явно снижена в результате его идеалистического мировоззрения. Идеал монарха и идея Рима являются неразрывными составными элементами и в известной мере отражением, но ни в коем случае не движущей силой, не «априорной предпосылкой» общественной жизни и политических событий в Византии VI столетия. Точно так же Юстиниан благодаря многочисленным факторам, личным и обусловленным окружающей средой, является важнейшим представителем этих идей и идеалов, но только как выразитель интересов своего класса, а ни в коем случае не как исключительное, чисто индивидуальное «воплощение» идеи Рима и романтики Рима.

Таким образом, методология и методика автора ставят под вопрос научную ценность выводов его исследования, что можно было предполагать уже на основании введения.

С. Винклер

JEAN MEYENDORFF. INTRODUCTION À L'ÉTUDE DE GRÉGOIRE PALAMAS.

Edition du seuil.

Paris, 1959, p. 431 (Patristica Sorbonensia, collection dirigée par H. I. Marrou, 3)

Перед нами большое исследование, являющееся, по плану автора, введением в изучение деятельности и философских, богословских и политических воззрений Григория Паламы, известного иерарха византийской церкви середины XIV в. Мрачная фигура Паламы тесно связана с той трагической катастрофой, которая постигла византийское общество после торжества идеологической доктрины, выдвинутой этим византийским схоластом. Григорий Палама — идеолог и проповедник мистики, глава той части монахов-фанатиков, которые назывались «безмолвниками» (исихастами).

О православной мистике имеется безбрежная литература, особенно увеличилась она в период упадка капитализма. Советская историография еще мало занималась той идеологической борьбой, которая потрясла византийское общество в середине XIV в.

Победа Паламы, зафиксированная решением ряда соборов, полный разгром его идеологических противников — все это привело к тому, что самоубийственные в политическом отношении идеи фанатического исихазма стали господствующими в византийском обществе.

Книга Мейендорфа написана с позиций православного богословия. Однако, несмотря на свою явно реакционную тенденцию, она представляет известный интерес для советского исследователя социального и политического значения идей паламизма. Мейендорф много работал над источниками, опубликованными и архивными. Начиная с 1953 г. им опубликован целый ряд неизданных источников, относящихся к исихазму.